

Молодежь и проблема культурных констант

Вал. А. Луков

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Рассматриваются теоретические вопросы молодежных исследований, вытекающие из тезаурусного подхода к трактовке как молодежи, так и культурных констант. Автор характеризует молодежь и молодость как культурные константы и выявляет субъектную роль молодежи в формировании и поддержании культурных констант. Выявляются сложности и сдвиги в социализационном процессе, вытекающие из движения современного общества к типу префигуративной культуры.

Ключевые слова: молодежь, молодость, культурные константы, социализация, префигуративная культура, тезаурусный анализ.

Youth and the problem of cultural constants

VALERY A. LUKOV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Abstract: Theoretical questions of youth investigations, which arise from the thesaurus approach to interpretation both of youth and cultural constants, are considered. The author defines youth and adolescence as cultural constants and discovers the subject role of youth in formation and maintenance of cultural constants. Difficulties and shifts in socialization process, which ensue from the motion of modern society to the type of prefigurative culture, are revealed.

Keywords: youth, adolescence, cultural constants, socialization, prefigurative culture, thesaurus analysis.

Культурные константы представляют собой долговременные центры притяжения в рамках определенной социокультурной реальности и одновременно фиксируют ее границы, позволяющие идентифицировать культурную систему, отделить ее от других. В этой своей двойной функции культурные константы выступают для наличествующих тезаурусов в качестве арсенала культурных содержаний и форм, готового к активизации, немедленному развертыванию в актуальной ситуации (событии). Собственно, по культурным константам внутри сформировавшегося в той или иной социальной общности образа мира отделяется *свое* от *чужого* и *чуждого* и всем им придается ценностное измерение (Луков Вал., Луков Вал., 2008; Луков, Вал. Луков, Вал., 2005;

Луков Вал., 2006; Гуманитарные константы, 2008). *Свое* (выраженное с опорой на культурные константы) признается культурным и даже если «диким», то совсем не в том смысле, какой придается дикости *чужих* (дикарей — с позиций данной культуры).

В этом контексте особым образом раскрывается и ценностный аспект молодежи и молодости. Мы частично затрагивали этот вопрос в работах по теориям молодежи (Луков, 2007; Луков, 2008а). Здесь мы обращаемся к тем сторонам ценностной проблематики вокруг молодежи, которые, во-первых, характеризуют молодежь и молодость как культурные константы и, во-вторых, выявляют субъектную роль молодежи в формировании и поддержании культурных констант.

* Луков Валерий Андреевич — проректор по научной и издательской работе — директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук Русской секции Международной академии наук (IAS), академик Международной академии наук педагогического образования. Тел. 374-70-20. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №07-06-00069).

В культуре европейского типа — а в актуальной российской ситуации этот тип является доминирующим — молодежь и молодость как ее видовое свойство соотносятся с позитивными образами жизненной силы, здоровья, успеха. Молодежь выступает как референтная группа для значительного числа представителей старших поколений: стремление «омолодиться», составляющее мечту человека в разных культурах и отраженное в народном фольклоре как именно омоложение (т. е. физическое возвращение молодости при помощи чудесных средств, колдовских чар, магии и т. д.), в реальности некоторых культур (европейской прежде всего) трансформировалось в имитацию молодости при помощи физических упражнений, гормонального и хирургического изменения тела, а также косметики, одежды, копирования форм молодежного поведения и т. д. Эти способы омоложения давно уже выступают как социокультурная норма, а вокруг них сформировались целые отрасли производства товаров и услуг.

Следует отметить, что для обществ традиционного типа стремление «застрять» в молодости в принципе нехарактерно. Разумеется, здесь тоже ценятся сила, выносливость, ловкость, красота и другие свойства, лучше представленные у человека в молодые годы, но в основе социализационного процесса лежит все же признание мудрости старших, и именно здесь центр притяжения, в качестве которого выступают культурные константы. Это находит отражение и в системе знаков и символов, ритуалах и обычаях. Так, во многих племенах распространен образ «ребенка-старика»: нанесение на лицо ребенка белой краской морщин, подвязывание искусственной бороды символизируют ожидание его скорейшего взросления. Характерно, что ориентиром здесь выступает не молодой человек, а старик.

В то же время и в обществе модерна и постмодерна сквозь ценностную константу молодости проглядывают следы традиционного отношения к молодежи. Это, в частности, заметно в бытовании слов «юноша»

и «девушка», которые в повседневных ситуациях выступают не столько маркировкой конкретного возраста, сколько знаками социокультурных свойств (Луков, 2008b).

Бытовое применение слова «юноша» довольно слабо связано с признаками маскулинности и чаще отражает характеристики недостаточной зрелости индивида. Контекст такого словоупотребления — положительный или нейтральный. Для обозначения социально не одобряемого поведения юноши как результата его неопытности применяются иные лексические средства («зелень», «сосунок», «маменькин сынок» и др.). Подчеркивание маскулинности юноши строится на маркерах зрелого возраста («настоящий мужчина», «мужик», «мачо» и т. д.). Напротив, недостаточная мужественность юноши часто в повседневной коммуникации ассоциируется с женскими образами («ты — как девчонка», «вы солдаты или девушки?» и т. д.).

Слово «девушка» в применении к лицам женского пола в бытовых ситуациях многозначно. Девушкой называют ту, которая не имела коитуса. Если эта характеристика в европейской традиции считается добродетелью для лиц в молодом возрасте, то в зрелом она обычно подвергается насмешке (старая дева). Требование к девушке непорочности до брака — широко распространенная традиционная культурная и этическая норма (обычно к юноше подобные требования не выдвигаются и его ранние половые связи не осуждаются), хотя у ряда народов имеются прямо противоположные нормативные практики в отношении невесты. Современная европейская модель пробных браков легализует существенно более широкую практику раннего вступления девушек в половые связи. В этом социальном контексте «девушка» — характеристика, ориентированная только на возраст.

Как видим, смыслы культурных констант, обозначающих молодежь, в современном обществе неустойчивы, противоречивы. Это естественное следствие изменений в социализации, которые за последние два столетия

тия (период установления индустриального, а затем постиндустриального общества) существенно деформировали и сам социализационный процесс. Эта деформация, в теоретическом плане представленная видным американским социологом и этнографом Маргарет Мид через разделение культур на постфигуративную, кофигуративную и префигуративную — в зависимости от типа отношений между поколениями (Мид, 1988: 322–361), означает, что в естественной (природной) системе передачи социального опыта от старшего поколения к младшим возникли брешы, в результате которых молодежь не только выдвинулась в число субъектов культурного воспроизводства (в известной мере это характеризовало и более ранние эпохи), но и стала источником культурных констант.

Данное обстоятельство требует пояснений. Тема старого и нового, отживающего и зарождающегося всегда была существенна для социокультурной динамики. В общественном сознании эта тема, среди прочего, постигается в аспекте культурных констант, выступающих эталонами при интерпретации действительности. Прошлое задает образцы, с которыми наличная ситуация сопоставляется и которыми она корректируется через различные социальные практики (включая практики социального одобрения/неодобрения, социального исключения и т. д.). Будущее осмысливается как предчувствие образцов, о чем свидетельствует, в частности, социокультурный феномен моды. Настоящее в аспекте культурных констант обыденное общественное сознание чаще всего выпускает из виду: настоящее не более чем точка пересечения прошлого и будущего, а значит, в нем реализуют или уже установившиеся образцы, или те, что стали заметны в тенденции и ожидаются в обществе.

Эта схема эффективна до тех пор, пока динамика изменений относительно невелика. Но уже и в прошлом многие крупные исторические события придавали особенные черты процессу преемственности и смены поколений, в итоге чего возникали феноме-

ны «поколения войны», «поколения революции» и т. д. Такие события одновременно выступали как социализационные катастрофы, хотя могли не затрагивать существенно сферу действия и способы первичной социализации в самом раннем возрасте.

В XX–XXI веках число такого рода судьбоносных событий мирового масштаба заметно возросло. Эта тенденция в силу процесса глобализации все более значима для социализационных траекторий. Но кроме того, с середины XX века особую роль в рождении социализационных катастроф начинают играть и факторы, по видимости не имеющие свойств, присущих войнам и социальным революциям. Наиболее заметны в этом плане обновления межличностной и межгрупповой коммуникации. Еще М. Мид показала, что этот фактор порождает разрывы в опыте поколений: «Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ» (Мид, 1988: 361). Оценки М. Мид, вытекающие из анализа студенческих бунтов 1960-х годов, которым скоро полвека, сохраняют свою значимость в том отношении, что выявляют почти у истоков развернувшуюся впоследствии тенденцию, суть которой в том, что мы вступили в новый период истории, когда «молодежь с ее префигуративным схватыванием еще неизвестного будущего наделяется новыми правами» (там же: 321). Динамика социальной и культурной жизни, сопряженная с изменением связи поколений в социализационном процессе, предопределила и само развитие молодежи как социокультурной общности (во всяком случае на нынешнем этапе ее развития; к этому вопросу мы еще вернемся). Она приобрела значительную автономию в обществе и не только формирует свои ценност-

ные комплексы, закрепляемые тезаурусами, но и в состоянии воздействовать с их помощью на старшие поколения.

В итоге в определенных ситуациях формирование культурных образцов и их поддержание переходит как социальная функция от старшего поколения к молодежи. Но это обстоятельство не стоит связывать только с обновлением средств коммуникации, значимость которого для социализации новых поколений сегодня вряд ли надо доказывать. По крайней мере два обстоятельства показывают, что и без воздействия фактора цифровой революции молодежь при определенном стечении обстоятельств способна освоить функцию формирования и поддержания культурных констант.

Первое из них особенно заметно в феномене молодежных городов. В отечественной истории таковыми были ударные стройки комсомола 1930–1970-х годов (Комсомольск-на-Амуре, Магнитогорск, Братск, Набережные Челны, Нижневартовск и др.). В таких городах средний возраст населения был в пределах 25–27 лет, что означало абсолютное доминирование молодежи в структуре населения и как следствие — в структуре социальных отношений и культурных практик. В 1973 г. в Набережных Челнах — в то время молодежном городе со всеми его признаками (молодежный состав населения, повсеместное строительство, быстрый рост производства и т. д.) — мы записали интервью, где респондент (девушка, 20 лет) говорила: «Живем отлично, но все думаю: чего же мне не хватает? И когда вдруг на улице увидела старушку, поняла: старушек мне не хватает! Здесь же у нас одни молодые». Это в своем роде обобщение социализационной проблемы молодежных городов. Подобные высказывания мы записали от ветеранов строительства Братской ГЭС в 2008 г. в Братске: стройка, начатая в 1954 г. с палаток в тайге, могла быть осуществлена за четыре года главным образом на энтузиазме, который поддерживался благодаря преимущественно молодежному составу строителей. Критическая масса мо-

лодежи создавала условия для автономности и сплоченности наиболее активной и готовой к трудностям работы и быта группы, в возрастном отношении однородной, но дифференцированной по своим статусам и ролям в процессе социализации. В таких случаях практики формирования и поддержания социализационной нормы (Ковалева, 2008) обогащаются новыми агентами и сценариями реализации.

Существенно, что в образовавшихся в силу каких-то обстоятельств или искусственно созданных долговременных сообществах, где «молодым не хватает старушек», возникают суррогатные формы перераспределения социализационных функций, когда источником культурных норм, а в конечном счете и культурных констант, становятся представители той же генерации, что и реципиенты этих норм и констант. Правами, в традиционном социализационном процессе принадлежащими старшим (отец семейства и т. д.), наделяются руководители, старшие по должности, имеющие большой стаж пребывания в данном сообществе, неформальные лидеры, нередко сверстники и даже младшие по возрасту в отношении реципиентов норм. Такие феномены проявляются, в частности, в долговременных коллективах с однородным возрастным составом (студенты, солдаты срочной службы и т. п.), где суррогатность перераспределения социализационных функций может вести к смене содержания социальных институтов. Такова «дедовщина» в среде солдат срочной службы, по происхождению являющаяся институциональной формой взаимодействия лиц одного социального статуса в социализационном процессе, где дифференциацию социализационных ролей образует различие не в возрасте, а в том, сколько солдат уже отслужил. Дистанция между «дедом» и новобранцем во временном измерении ничтожна, но в социальном измерении это непреодолимое расстояние, такое же, как в обычных условиях между представителями разных поколений. Для армий XVIII–XIX веков «дедовщина» была естественной, по-

скольку большой срок службы (например, 25-летний в российской армии) предопределял при равном воинском звании возрастное различие в масштабах целого поколения. В современных условиях она выродилась в девиацию, отражающую потребность в социальной дифференциации, обычно строящейся на возрастных различиях, там, где искусственным путем выделена общность с однородным по возрасту составом.

Второе обстоятельство представляет собой социализационное смещение в семье под воздействием приобретения ее молодыми по возрасту членами новых социальных статусов и ролей. Такого рода смещение мы выявили в ходе исследования читательской аудитории еженедельника «Собеседник» (проведено в 1995 г., опрошено 1196 читателей). В частности, было выявлено, что в одной и той же возрастной группе (26–35-летних) самоидентификация респондентов с поколением «отцов» или «детей» приводит к существенным различиям в информационных потребностях. Не отличаясь по другим характеристикам, эти группы по-разному определяют свое отношение к темам, которые хотели бы видеть на страницах «Собеседника» (в %, в порядке убывания ранга для «отцов»):

	«отцы»	«дети»
мораль	50,8	28,3
здоровье	42,7	47,8
события культурной жизни	37,2	39,1
светская хроника	27,1	37,0
экономика	20,1	13,0
молодежная музыка	19,1	37,0
спорт	17,6	21,7
военная тематика	15,1	4,3
религия	11,1	6,5

Наиболее заметно смещение интересов молодежи, идентифицирующей себя с поколением «отцов», к проблемам морали и интересу интереса к молодежной музыке в сравнении с молодежью, относящей себя к поколению «детей».

Данное наблюдение представляется особо ценным для социологии молодежи. Самоидентификация старших молодежных

возрастов по признаку «отцы»–«дети» оказывается чрезвычайно значимой в ценностных суждениях (Левичева, Луков, Сурина, 1996). Но и в более широком смысле, видимо, этот фактор действует, причем он может быть достаточно независимым от изменений в макросоциальной среде и проявляться как своего рода константа социализационного процесса. При определенном сочетании внешних обстоятельств, а именно в периоды нарастания эффектов префигурационной культуры, социализационные смещения в однородной по возрасту группе (в возрастной когорте) становятся «фронтальной зоной»: здесь можно наблюдать неоднородность давления молодежи на культурные константы.

Такого рода наблюдения позволяют лучше понять феномены передачи тезаурусов и культурного опыта от поколения к поколению. В исследованиях не раз было отмечено, что представители старших поколений придерживаются традиционных культурных ценностей. При известных исторических обстоятельствах интерпретация этого факта не банальна. Дискуссия по такого рода проблеме возникла, например, при защите О. В. Абдразаковой диссертации, в которой были представлены результаты исследования социокультурных ориентаций городского населения в Республике Татарстан. Исследовательница показывала, что сегмент традиционной национальной культуры в современном городе удерживают представители старшего поколения. Но очевидность этого вывода была поколеблена неясностью в объяснении истоков такой ориентации: ведь именно это поколение в период своей молодости (в 1930–1950-е годы) было носителем культурных констант, направленных на разрушение или по крайней мере на игнорирование национальных культурных ценностей и на распространение ценностей, связанных с построением и социальным ожиданием общества интернационального, модернистского, считающего народную культуру пережитком. Именно это поколение в период молодости шло в аван-

гарде борьбы с традиционной культурой, искренне отрицало ее ценность. Каким же путем, постарев, оно стало опорой традиционных культурных норм и ценностей? Этот вопрос остается и сегодня не вполне ясным в социологии молодежи. Небезынтересны в этом плане исследования 2004–2008 гг., проведенные в рамках научной школы тезаурусного анализа, развиваемой в Московском гуманитарном университете, которые показали, что в картине мира молодежи ядро очень устойчиво и под наслоением привнесенных современностью культурных пластов сохраняются культурные константы древнего происхождения (Луков А., 2006; Русанова, 2007; Сафарян, 2008).

Представляется, что в конечном счете импульс сохранения образцов переходит на старшее поколение (а в нашем ракурсе можно его назвать «постаревшим молодым поколением»), основываясь, во-первых, на константности социализации в самых ранних периодах детства: первичная социализация и закладывает в культурную память константы, образующие в совокупности менталитет, который в период молодости может почти терять свои рамки, но он не истребим окончательно; во-вторых, на долгих культурных волнах, нередко незаметных в обыденности, но в силу автономности повседневной жизни по отношению к управляемым макросоциальным структурам, институтам, процессам оказывающих воздействие на людей вне осознания этого фактора. Мы здесь имеем дело с популяционным эффектом, возможно — ноосферным: тезаурусные конструкции продавливаются в новых поколениях вне контроля управляющих систем. Вполне вероятно, что это относится не ко всем тезаурусным конструкциям, а к тем, которые сформировались во времена пассионарности нации или иного сообщества. Эти конструкции могут быть по отношению друг к другу даже и антагонистическими. На новых этапах они встраиваются в новые комбинации смыслов, мотивов действия, оценок ситуации и т. д. Из чего следует, среди прочего, что исследование ценностных ориента-

ций молодежи мало что проясняет в отношении общества, если оно не учитывает движения культурных констант в общественном сознании новых поколений.

Учитывая это, следует признать, что выделение в культурном процессе префигуративной культуры, где молодежь задает культурные образцы старшим поколениям, не является бесспорным, хотя окружающая действительность как бы подтверждает наличие подобных феноменов. Заметим: Маргарет Мид пришла к своей концепции культуры под влиянием событий студенческого бунта 1960-х годов. Если другие исследователи социальных процессов и молодежных движений этого времени более склонялись к идее извечного конфликта поколений, которое было представлено в соответствующих теориях молодежи как непреложный закон социальной и культурной эволюции (в других теориях — социальных и культурных революций), то Мид как антрополог и этнограф, длительное время изучавшая социализацию в обществах традиционного типа, увидела разницу в конфигурации социализационных процессов обществ, находящихся на несхожих по своим общественным основаниям этапах развития. В этом очевидная заслуга американской исследовательницы и в этом существенное отличие ее теории от популярных и сегодня теорий, приписывающих конфликт поколений всем временам, всем народам, всем культурам. Но все же сегодня, в условиях глобальных перемен в мире, концепция Мид не кажется столь уж безупречной и эвристичной.

Вполне вероятно, что под префигуративностью скрываются более основательные пласты межпоколенной передачи социального и культурного опыта (включая и системы культурных констант), которые на поверхности искажаются в ситуациях социальной аномии, т. е. преимущественно в переходные периоды. Переходные периоды завершаются наступлением стабильных периодов, где в поддержании и передаче культурных констант вновь на первый план выходят поколения старших. Вполне вероятно,

что при более внимательном изучении здесь вскроются ритмы обменных процессов, подобные длинным волнам Кондратьева.

В исследованиях мировой культуры значимость смены стабильных и переходных периодов для обновления ведущих направлений в искусстве, утверждения в качестве ведущих (модных, нормативных и т. д.) культурных и — шире — жизненных стилей уже нашло теоретическое закрепление (Луков В., 2006б). При этом подчеркивается, что каждый тип культуры (стабильный или переходный) «порождается социальной деятельностью людей, их взаимодействием на всех уровнях социальности и в свою очередь порождает свой тип человека и его мировосприятия...» (Луков В., 2008: 35). Этот же концептуальный подход следовало бы распространить и на теоретическое осмысление молодежи, которая, даже сотрясая устои общества, по сути остается культурной константой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдразакова, О. В. (1999) Социокультурные ориентации городского населения в Республике Татарстан : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.
- Гуманитарные константы (2008) : материалы конференции Ин-та гуманитар. исследований Моск. гуманитар. ун-та 16 февр. 2008 г. : сб. науч. трудов / отв. ред. Вал. А. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та.
- Ковалева, А. И. (2008) Норма социализационная // Социология молодежи : энциклопедич. словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М. : Academia. С. 302–304.
- Левичева, В. Ф., Луков, В. А., Сурина, И. А. (1996) К вопросу о судьбе молодежных периодических изданий : (По материалам социол. исследования читательской аудитории еженедельника «Собеседник») // Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений : науч. сессия Ин-та молодежи, 28 февр. 1996 г. М. : Ин-т молодежи. С. 123–133.
- Луков, А. В. (2006) Картина мира и информационный взрыв: к проблеме фрактальности тезаурусов // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 3. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. С. 98–102.
- Луков, Вал. А. (2007) Теории молодежи: пути развития // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 70–82; №4. С. 87–98.
- Луков, Вал. А. (2008а) Молодежь в свете перспектив человека и общества // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 21–30.
- Луков, Вал. А. (2008б) Юноша и девушка // Социология молодежи : энциклопедич. словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М. : Academia. С. 598–599.
- Луков, Вал. А., Луков, В. А. (2005) Константы мировой культуры в вузе XXI века : концепт «Любовь» // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 32–40.
- Луков, Вал. А., Луков В. А. (2008) Тезаурус : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса.
- Луков, В. А. (2006а) Тезаурусные константы мировой культуры // Гуманитарное знание : тенденции развития в XXI веке : В честь 70-летия И. М. Ильинского / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. С. 565–580.
- Луков, В. А. (2006б) Европейская культура Нового времени: Тезаурусный анализ / МосГУ. Ин-т гуманитар. исследований; Междунар. акад. наук. М.
- Луков, В. А. (2008) Культура и социум : Философские вопросы культурной социодинамики. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та.
- Мид, М. (1988) Культура и мир детства : избр. произведения. М. : Наука. Гл. ред. восточн. лит-ры.
- Русанова, А. Г. (2007) Культурная идентификация студентов: проблема нормы // Вопросы культурологии. №6. С. 36–38.
- Сафарян, А. В. (2008) Стили жизни как устойчиво воспроизводимые образцы поведения молодежи // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 15. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. С. 6–23.